

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

УДК 811.161.1'373
ББК 81.411.2-0

ГЛАГОЛЬНАЯ ЛЕКСИКА КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ПОНЯТИЙ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЛЕТОПИСНОМ ТЕКСТЕ

О.А. Горбань

В статье рассматриваются глаголы, обозначающие понятия «крестить», «поститься», «веровать» и другие; их происхождение, семантика в древнерусском языке и в летописном тексте. Установлено, что некоторые глаголы выражают религиозные понятия в своих прямых значениях, у других эта способность развивается в результате семантической модуляции.

Ключевые слова: древнерусский язык, лексика, глагол, семантическая модуляция, летопись, религиозное понятие.

1. Объектом исследования в современной лингвистике с ее ярко выраженным антропоцентризмом является язык как отражение представлений человека о мире, результат и средство концептуализации действительности. Доказано, что «значение данных языкознания, лексикологии, этимологии для подлинного понимания культуры абсолютно во все времена, в том числе и в современную эпоху» [8, с. 292]. Особую же значимость эти данные приобретают для постижения человека древних эпох. История слов и их значений представляет нам особенности мышления древних людей, их видение мира. Тем более ярко и полно раскрывается это в древних текстах, поскольку в них реализуется семанти-

ческий и функциональный потенциал языковых единиц, а также актуализируются смыслы, значимые для автора и адресата, для эпохи в целом¹.

Понимание мировосприятия человека Древней Руси невозможно без понимания его религиозных воззрений, и обращение к лексике соответствующего содержания позволяет воссоздать его духовный мир, а также выявить пути формирования конфессиональной терминологии в период утверждения христианства.

Для исследования нами избран текст светской литературы – летописный. Выдающийся памятник этого жанра – «Повесть временных лет», содержательная многоплановость которой дает основание называть ее своеобразной исторической энциклопедией [4, с. 58]. «Повесть временных лет» является уникальным памятником истории, культуры,

языка. Обращение к «Повести» тем важнее, что она рассказывает о начальном периоде принятия и утверждения христианства на Руси. Содержательный и лингвистический анализ текста позволяет проследить изменения в духовной жизни восточных славян и то, как об этих изменениях говорит сам летописец. В центре нашего внимания – глагольная лексика, используемая летописцем для обозначения основных христианских понятий. Источником материала послужила «Повесть временных лет» по Лаврентьевскому списку 1377 года (далее по тексту при цитировании этого источника в круглых скобках указывается лист рукописи).

2. Рассмотрение семантики глаголов показало, что среди них есть такие, которые не выражают специфических понятий духовной сферы, но используются в повествовании о различных проявлениях духовной жизни, например, глаголы эмоционального состояния и эмоционально-оценочного отношения *любити*, *радоватиса* и под. – для передачи чувств верующих, глаголы созидательной деятельности *рѹбити*, *ставити* – для описания строительства храмов и др.

Часть глаголов обозначает в прямых либо переносных значениях особые явления религиозной жизни человека, и далее мы остановимся на некоторых из таких лексем.

2.1. Лексемы *крѣтити*, *крѣтитиса*, *поститиса* в своих прямых значениях выражают собственно религиозные понятия, в первую очередь христианские.

Глагол *крѣтити(са)* образован от существительного *крѣтъ*, которое является ранним, общеславянским заимствованием из германских языков, как полагают, из древневерхнегерманского *krist* или *christ* либо готского *Christus* – Христос, и появилось, вероятно, в начальный период распространения христианства среди славян еще «в докирилломефодиевское время в придунайских землях» (ЭССЯ, с. 76). Таким образом, слово *крѣтъ* для славян изначально было связано с христианской верой.

Глагол *крѣтити* в древнейших славянских памятниках отмечен в прямом значении «крестить, то есть через обряд крещения приобщить к вере Христовой» и «не имеет иной семантики, кроме заимствованной, термино-

логической» [2, с. 105]; в евангельских и других текстах этим глаголом переводится греч. βαπτίζεῖν. Соответственно, *крѣтитиса* – «креститься, принять крещение, стать христианином». Именно в этом значении глаголы, как правило, употребляются в летописном повествовании о крещении народов, русских князей. При этом в контексте может только указываться сам факт обращения в христианскую веру или причастности к ней, например: *Болгаре же... крѣтитиса просиша. и покорити грекомъ. црь же крѣти князя ихъ* (л. 7). В отдельных случаях могут уточняться некоторые обстоятельства совершения обряда крещения – омовение водой (*крѣтити, крѣтитиса водою*), место действия (*въ Ѳрданѣ, в церкви стго Василья*).

В летописном рассказе о крещении Ольги эти глаголы употребляются неоднократно, например: *она же [Ольга] разумѣвши реко црю. азъ погана есмь. да аще ма хоцеша кр(ь)с(ти)ти. кр(ь)с(ти) ма самъ... и кр(ь)сти ю црь съ пг̃архомъ* (л. 17 об.); *она же реко како хоцеша ма поати крѣтъ ма самъ. и нарекъ ма тѣщерью* (там же). Здесь тоже речь идет об обряде крещения, однако И.И. Срезневский определяет значение глагола как «быть восприемником, крестным отцом или матерью» (Срезн. I, стб. 1342); действительно, император участвовал в совершении таинства, хотя роль его была несколько иная, нежели у патриарха, – он стал крестным отцом Ольги, о чем она прямо говорит: «Как ты можешь взять меня в жены, крестив меня сам и назвав меня дочерью». Этот нюанс в значении глагола отмечается не всеми словарями.

Глагол *крѣтити* реализует в тексте «Повести» также значение «освящать» (СДР IV, с. 312), например: *И въгребовша .в. князя Ярополка и Шльга. сна Ѳтославла. и крѣтиша кости єю. и положиша га въ цркви ст҃ыа Бѣа* (л. 52 об.); на это значение указывает неодушевленный объект действия – *кости*.

В старославянском языке глагол *крѣтити* значил также «осенить крестным знаменем, перекрестить» (ССС, с. 297); в древнерусском языке соответствующее значение отмечается и у *крѣтитиса*. Здесь речь идет не о таинстве, не об обряде как слож-

ном действии, а о жесте, тем не менее этот жест также имеет сакральный смысл. В «Повести» данное значение выражается глаголом **прекръститисѧ**, в котором приставка **пре-** (**пере-**) эксплицирует признак, характеризующий направление движения руки при совершении действия.

К числу древних заимствованных христианских терминов, ставших общеславянскими, относится также глагол **поститисѧ**, который обычно связывают по происхождению с древневерхненемецким *fasto* – «пост» [Фасм. III, с. 340–341]. Исследователи полагают, «что заимствование относится ко времени до христианизации славян и что о.-с. **postъ* всегда значило “пост”» (Черн. II, с. 60–61).

В древнеславянских памятниках письменности значение «поститься» передавал, наряду с **поститисѧ**, также глагол **алъкати**. Слово **алъкати** является старославянским по своему происхождению и имеет книжную окраску. Его исходное значение – «быть голодным, голодать» (физиологическое состояние). В одной из наших работ показано, что у этого глагола в старославянском и русском староцерковнославянском языках был омоним **алъкати** «поститься» (социальная деятельность как поведение, поступок), который синонимичен глаголу **поститисѧ**. Анализ употребления рассматриваемых лексем позволил сделать вывод, что семантическая устойчивость глагола **поститисѧ**, отсутствие у него иных значений, кроме религиозных, и омонимов с иными значениями, соотношение с существительным **постѣ** обеспечили сохранение именно этого слова в качестве термина и вытеснение им глагола **алъкати** – «поститься» [3]. Об этом свидетельствует и значительно более высокая частотность глагола **поститисѧ** по сравнению с **алъкати** в древнерусских письменных памятниках. Кроме того, глагол **поститисѧ** в древнерусском книжном языке семантически был более емким: сохраняя духовный смысл, он обозначал воздержание не только от пищи, но и от разного рода согрешений.

В «Повести» из глаголов **алъкати** и **поститисѧ** отмечен только второй; он встречается в погодной записи, посвященной Феодосию Печерскому. В предложениях глагол

употребляется в основном без каких-либо уточнителей действия, например: **постившесѧ Данилъ видѣныѧ велика сподовисѧ** (л. 62–62 об.) и под. Может уточняться длительность поста – 40 дней: **постивъсѧ и Пъ .м̄. д̄нии** (л. 62 об.). В единичном контексте говорится о цели поста: **а стрѣнаѧ недѣла оуставлена естъ. поститисѧ стрѣни ради Г̄нь** (там же). Объект воздержания (пища или что-либо другое) в тексте не уточняется.

2.2. Глаголы **вѣровати**, **молити**, **молитисѧ**, **пѣти**, **въспѣти**, **просвѣтити**, **просвѣщати** в прямых значениях выражали обыденные понятия, однако, переосмысливаясь в духовном плане, развивали значения, отражающие явления религиозной жизни людей.

Развитие семантики глаголов мы рассматриваем, опираясь на положение С.П. Лопушанской о двух типах семантических изменений в смысловой структуре слова – семантической модуляции и семантической деривации. Под семантической модуляцией понимается такое изменение в смысловой структуре слова, которое не затрагивает категориально-лексической семы (КС), то есть самого общего семантического признака, на основании которого глагол относится к той или иной лексико-семантической группе (ЛСГ); семантическая модуляция не выводит глагол за рамки исходной ЛСГ. В отличие от модуляции, семантическая деривация приводит к переосмыслению категориально-лексической семы, к переходу глагола в другую ЛСГ [5, с. 15].

Многозначный глагол **вѣровати** в древних славянских текстах употреблялся в прямом значении «верить» (ССЯ I, с. 378–379; СДР II, с. 301), то есть «быть убежденным, уверенным в чем-н.; принимать за истину», и обозначал действие конкретного одушевленного субъекта – человека. В этом значении мы выделяем у данного глагола КС ‘интеллектуальная деятельность’. Прямое значение **вѣровати** выражается в следующем контексте из «Повести»: **и рекоша людье... Уто можете створити на^м. имѣемъ во кормлю ѿ землѣ. аще ли не вѣруете. да оузрите своима шѣима** (л. 44–44 об.). Здесь словоформа **вѣруете** обозначает действие одушевленного субъекта (печенег), которому сообщается о конкретном событии (осажденные

горожане якобы получают готовую пищу прямо из земли); в реальности этого события, а соответственно, и в истинности сообщения о нем предлагается убедиться, увидев своими глазами.

Словари древнерусского языка выделяют у глагола **вѣровати** переносное значение «веровать в кого-либо, что-либо; поклоняться кому-, чему-либо» (СДР II, с. 301). В данном случае речь идет о религиозных воззрениях, верованиях, как христианских, так и нехристианских, поэтому глагол обязательно сочетается с падежными и предложно-падежными формами Дат. пад., **къ** + Дат. пад. или **въ** + Вин. пад. существительных, уточняющих объект поклонения, веры. Это могут быть сверхъестественные существа (Бог, божества различных религий), вероучения, предметы религиозного культа, а также какие-либо действия или события, имеющие с точки зрения верующего тайный смысл, в истинности которого он убежден: **идоломъ, оуѣнью, къ богоу, въ стоу Трцю, в демони, в птицини** **гран** и т. д. Обозначаемое глаголом действие – вера – имеет более сложный характер, чем в прямом значении: это и деятельность разума, и чувство (эмоциональное отношение к предмету поклонения). Тем не менее мы полагаем, что КС ‘интеллектуальная деятельность’ в семантике глагола сохраняется, поскольку сохраняет свою значимость сема ‘признание истинности чего-либо’; переосмысление глагола, таким образом, носит характер семантической модуляции.

Именно в данном значении и с разнообразными уточнителями объекта веры глагол, как правило, употребляется в «Повести», где говорится о христианских верованиях: **Вѣрюю во единого Ба Шца Вседержителя. Творца нѣвѣ и земли...** (л. 38 об.); **иже не вѣруеть къ Бѣ нашему Исѣ Хѣ. мѣми бѣдѣ в огни** (л. 36); о различных нехристианских верованиях, в том числе суевериях: **да имѣемъ клѣвѣ ѿ Ба. въ его же вѣруемъ в Перѣна и въ Волоса скотыа Ба** (л. 22 об.); **друзнии же и закыханью вѣрують. еже бѣываетъ на [з]дравье главѣ** (л. 57 об.), где **закыханьк** означает «чихание»; и др.

Глагол **вѣровати** может употребляться без названных уточнителей, тогда он реализует значение «веровать в Христа, быть хри-

стианином» (СДР II, с. 301); например: **епѣпъ же вземъ крѣтъ и вблекъса в ризы стареѣ. иже хощеть вѣруати волхвѣ то да идеть за нь. аще ли вѣруеть кто то ко крѣту да идеть** (л. 61). В приведенном контексте из летописи противопоставляется вера языческая и христианская; при этом словосочетание **вѣруати** «верить, веровать» имеет уточнитель **волхвѣ**, тогда как **вѣруеть** такого уточнителя не требует. Здесь наблюдается приращение смысла, которое граничит с семантической деривацией. В семантику самого глагола включается компонент не просто ‘религиозное воззрение’, а ‘христианское религиозное воззрение’; наряду с семой ‘интеллектуальная деятельность’ появляются семы ‘состояние’ («быть христианином») или ‘отношение’ («принадлежать к христианству»). Глагол проявляет тенденцию к терминологизации; такое употребление не отмечено в старославянских памятниках письменности.

Прямое значение глаголов **молити** и **молитиса** – «просить кого-либо о чем-либо» (ССС, с. 332; Срезн. II, стб. 167–168; СДР V, с. 16–17). В этом значении они относятся к ЛСГ глаголов речевой деятельности. КС ‘речевая деятельность’ реализуется в семах ‘характер субъекта’ и ‘характер адресата речи’ (конкретные, одушевленные), ‘характер речевой деятельности’ (речевое воздействие), ‘интенсивность действия’ (высокая), ‘содержание просьбы’. Адресат речи может быть выражен именами, обозначающими лиц: при глаголе **молити** – в Вин. пад., при **молитиса** – в Дат. пад.; адресат может быть не выражен приглагольным уточнителем, но известен из контекста. Содержание речи может заключаться в просьбе о прекращении военных действий, о прощении и т. д.; в любом случае ожидаемые от адресата действия являются жизненно важными для субъекта – защита себя или других людей, реализация духовных потребностей. Например: **се слышавъ црѣ. посла к Игорю лѣуиѣ боларе. мола и гла. не ходи но возьми дань юже ималъ Шлегъ** (л. 10 об.); **молитса княже товѣ и братома твоима. не мозиете погубити Русьскыѣ земли** (л. 88 об.); [Исакий] **иде к великому Антонию в пещерѣ. моласа кмѣ да бы и створилъ черноризцемъ** (л. 64 об.); и др.

Адресатом речи могут быть Бог, святые, и тогда глагол принимает значение «молиться», то есть «обращаться с мольбой, просьбой, благодарностью к Богу, святым» (СРЯ II, с. 290). При обращении к Богу субъектом действия-моления может быть и святой. Например: [Ольга] по см̄рти молаше Ба̄ за Русь (л. 20 об.); [Ярополк] молаше Ба̄ всегда гла. Ии Бѣ̄ мои прими молитву мою (л. 69 об.); мы̄ должны есм̄ы хвалити достойно стр̄пца Х̄ва. молашеся прил̄жно к нима (л. 47). В большинстве случаев содержание просьбы, обращенной к Богу или святым, в летописных контекстах не выражено: значимым становится действие как таковое, как духовная практика общения с Богом. Глагол часто сочетается с предложно-падежной формой за + Вин. пад., обозначающей объект (конкретное лицо, народ, страна), по отношению к которому просят Адресата совершить определенные действия, и можно предположить, что речь идет о заступничестве, о спасении (в том смысле, который вкладывается в это слово христианским учением). Как видим, всегда ожидаемый результат от выполнения просьбы имеет для говорящего особую значимость, чем обусловлена и высокая степень интенсивности действия (она может быть подчеркнута уточнителями съ слъзами, со въздыханнѣмъ, выражающими определенное эмоциональное состояние, прил̄жно и под.).

Рассматриваемое переосмысление глагола в духовном плане и смысловое варьирование в контекстах происходит в рамках семантической модуляции при сохранении КС 'речевая деятельность'. Можно добавить, что в русском литературном языке за глаголом *молиться* религиозное значение «обращаться с молитвой, просьбой, благодарностью к Богу, Богородице, святым» закрепилось в качестве прямого.

Специфика глаголов *молити* и *молитиса* отчетливо проявляется в сопоставлении с синонимом *просити*. Различия касаются характера адресата действия, выраженного глаголом *просити* (в «Повести» им всегда является человек, не Бог), а также характера просьбы. Содержанием просьбы может быть совершение каких-либо действий, но чаще – получение конкретного объекта, например: *просице желѣза* (л. 85); *просице князѣа совѣ* (л. 21),

здесь речь идет о призвании князя на княжение; и др. Глагол употребляется также в устойчивых сочетаниях *просити благословѣныа*, *просити мира*. Все это снижает степень интенсивности обозначаемого глаголом действия.

Названные различия обусловлены, вероятно, тем, что глагол *молити* содержит общеиндоевропейский корень **meldh-* «излагать (возглашать) просьбу (адресуемую к боже-ству)» (Черн. I, с. 539) и издревле носил «религиозный характер» (Фасм. II, с. 642). Фонетические изменения в этом корне – перестановка согласных **ld* > **dl*, которая может быть объяснена табуистическими побуждениями (там же), утрата **d*, переход **e* > **o*, вероятно, затемнили древний смысл слова, однако он вновь актуализировался (уже в контексте иных религиозных представлений) в славянских переводах Священного Писания и других вероучительных текстов. Автор «Повести временных лет» довольно последовательно разграничивает глаголы *молити* и *просити*.

Глагол *пѣти* в старославянском, русском староцерковнославянском, древнерусском языках имел прямое значение «петь» (ССС, с. 561; ССЯ III, с. 529; Срезн. II, стб. 1790), то есть «исполнять голосом музыкальное произведение» (СРЯ III, с. 117); соответственно, *въспѣти* означал «запеть; спеть» (ССС, с. 154; ССЯ I, с. 336; СДР II, с. 110); в древнерусских памятниках отмечен также глагол *отъпѣти* – «спеть, пропеть» (Срезн. II, стб. 811; СДР VI, с. 272). Эти глаголы можно отнести к глаголам с общим значением воспроизведения, и шире – социальной деятельности (КС 'социальная деятельность'). Анализ их сочетаемости показывает, что, как правило, речь идет о пении псалмов, молитв, хвалебных песен (прославляющих Бога, князей), песнопениях ритуального характера². В «Повести» названные глаголы употребляются для обозначения песнопений религиозного характера, например: [Феодосий] и оустави въ монастыри своемъ. како пѣти пѣныа монастырьскаа (л. 54); Борисъ. вънець приемъ ѿ Х̄а Ба̄ съ праведными... възпѣваа съ англы. и веселася лику ст̄тыхъ (л. 46); ѿпѣвъ пѣлмы поух̄ копати (л. 70).

Глаголы *пѣти* и *отъпѣти*, *отъпѣвати* имели также значение «служить литургию, со-

пример, появление значения «быть христианином» у глагола *вѣровати* в древнерусском языке, специализация значения «молиться Богу, Богородице, святым» именно как религиозного у глагола *молиться* в русском литературном).

Анализ материала показал, как глаголы переосмысливались, наполняясь духовно-нравственным содержанием, приспособляясь к выражению христианских понятий. У большинства рассмотренных глаголов формирование новых значений, приращение новых смыслов происходило при сохранении ядерных компонентов исходного значения, что обуславливало семантическое тождество слова, отсутствие резкого отрыва нового значения от старого, а следовательно, обеспечивало принципиальное его понимание. В результате этих изменений формировался духовный словарь книжно-славянского письменного языка, преемниками которого стали русский церковнославянский и древнерусский. Богатство их проявляется не только и не столько в количестве соответствующих слов, сколько в их способности переосмысливаться, развиваться семантически.

Употребление глагольной лексики в «Повести временных лет» отражает выразительные возможности древнерусского книжного языка и свидетельствует о том, что Русь, приобщившись к христианству, в полной мере вошла и в православную культуру, воспринятую от Византии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например, попытку воссоздания мировоззрения средневекового человека, в частности славянина, через язык старославянских памятников письменности в [1].

² Этимология слова *пѣти*, *пою* свидетельствует о древнейшей связи обозначаемого им понятия с культовыми действиями [9, с. 701–704] (Фасм. III, с. 350). В старославянском, церковнославянском, древнерусском языках слово наполнилось новым религиозным содержанием, хотя в древнерусском могло употребляться и в нерелигиозных контекстах (например, в «Слове о полку Игореве»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вендина, Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка / Т. И. Вендина. – М. : Индрик, 2002. – 336 с.

2. Верещагин, Е. М. История возникновения древнего общеславянского литературного языка. Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников / Е. М. Верещагин. – М. : Мартис, 1997. – 315 с.

3. Горбань, О. А. Семантические изменения в смысловой структуре русской церковнославянской лексики / О. А. Горбань // Вестник ВолГУ. Сер. 2, Филология. – 1997. – № 2. – С. 18–24.

4. Лихачев, Д. С. Введение к чтению памятников древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. – М. : Рус. путь, 2004. – 340 с.

5. Лопушанская, С. П. Изменение семантической структуры русских бесприставочных глаголов движения в процессе модуляции / С. П. Лопушанская // Русский глагол (в сопоставительном освещении). – Волгоград : Изд-во ВПИ, 1988. – С. 5–19.

6. Львов, А. С. Лексика «Повести временных лет» / А. С. Львов. – М. : Наука, 1975. – 367 с.

7. Мурьянов, М. Ф. У истоков христианства у славян / М. Ф. Мурьянов // Славяноведение. – 1992. – № 2. – С. 44–53.

8. Трубочев, О. Н. Славянская этимология и праславянская культура / О. Н. Трубочев // Славянское языкознание : X Междунар. съезд славистов : докл. сов. делегации. – М. : Наука, 1988. – С. 292–347.

9. Трубочев, О. Н. Следы язычества в славянской лексике / О. Н. Трубочев // Трубочев, О. Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура : в 2 т. Т. 1. – М. : Яз. слав. культуры, 2004. – С. 694–706.

ИСТОЧНИК И СЛОВАРИ

Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. – Т. 1. – М. : Яз. рус. культуры, 1997. – Лл. 1 об. – 96.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: (Праславянский лексический фонд) / под ред. О. Н. Трубочева. – Вып. 13. – М. : Наука, 1987. – 285 с.

Фасм. – Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. – М. : Прогресс, 1986–1987. – Т. 2. – 1986. – 672 с. ; Т. 3. – 1987. – 832 с.

Черн. – Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П. Я. Черных. – М. : Рус. яз., 1994.

ССС – Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. – М. : Рус. яз., 1994. – Т. 1. – 623 с. ; Т. 2. – 560 с.

ССЯ – Slovník jazyka staroslověnského / Československá Akademie věd. Sv. I–IV. Praha, 1966–

1997. – Репр. изд.: Словарь старославянского языка : в 4 т. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006. – Т. 1. – 950 с. ; Т. 2. – 648 с. ; Т. 3. – 680 с.

Срезн. – Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам / И. И. Срезневский. – СПб. – Т. I. – 1893. – 778 с. ; Т. II. – 1902. – 916 с.

СДР – Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. : в 10 т. – М. : Рус. яз. – Т. 2. – 1989. – 494 с. ; Т. 4. – 1991. – 559 с. ; Т. 5. – 2002. – 647 с. ; Т. 6. – 2000. – 608 с.

СРЯ – Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Рус. яз. – Т. 2. – 1982. – 736 с. ; Т. 3. – 1983. – 752 с.

THE VERBAL LEXICS EXPRESSING RELIGIOUS CONCEPTS IN THE OLD RUSSIAN CHRONICLE TEXT

O.A. Gorban'

The article deals with the verbs, denoting the concepts «to baptize», «to fast», «to believe», etc. The author considers the origin of the verbs, their semantics in the Old Russian language and in the chronicle text. Some verbs express the religious concepts in their direct meanings while others acquire this ability by means of semantic modulation.

Key words: *Old Russian, lexics, verb, semantic modulation, chronicle, religious concept.*